

ТАНЕЦ КАК ФОРМА ПОСТИЖЕНИЯ БЫТИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТУРБУЛЕНТНОМ МИРЕ

Голуб Ангелина Вадимовна

студент факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Воробьева Светлана Викторовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье раскрыты три сущностных аспекта танца как формы постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире, обусловленные нахождением человека в реальности, его когнитивными возможностями и коммуникацией. Обосновано, что первый аспект подразумевает разграничение эмпирической, социально-культурной и экзистенциальной реальности в танце. Второй аспект связан с воображением и телесностью, восходящей к движенческому алгоритму и движению как принципу видимости и визуальности. Третий аспект – с невербальным способом общения, преодолением иррациональных аспектов вербальной коммуникации. Систематизирована аргументация по дальнейшему прояснению танца. Корпус доводов затрагивает вопросы соотношения разума и тела, семиотики танца и его сенсорных особенностей в постмодернистском турбулентном мире.

Ключевые слова: танец; типология реальности; воображение; коммуникация; разум и тело; семиотика танца; постмодернистский турбулентный мир.

DANCE AS A FORM OF COMPREHENSION OF EXISTENCE IN A POSTMODERNIST TURBULENT WORLD

Holub Anhelina Vadzimovna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Vorobyova Svetlana Vikrorovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Culture,

Belarusian State University

Abstract. The article reveals three essential aspects of dance as a form of comprehension of existence in the postmodern turbulent world, conditioned by a person's presence in reality, his cognitive capabilities and communication. It has substantiated that the

first aspect implies the distinction between empirical, socio-cultural and existential reality in dance. The second aspect is associated with imagination and physicality, which goes back to the movement algorithm and movement as the principle of visibility and visuality. The third aspect is with the non-verbal method of communication, with overcoming the irrational aspects of verbal communication. The argument for further clarification of the dance has systematized. The body of arguments touches on the relationship between mind and body, the semiotics of dance and its sensory features in a postmodern turbulent world.

Keywords: dance; typology of reality; imagination; communication; mind and body; semiotics of dance; postmodern turbulent world.

Актуальность танца в постмодернистском турбулентном мире определяется поиском способов самовыражения, составляющих основы идентифицирующих механизмов в самоопределении человека. Логическим следствием постмодернизма, провозгласившего плюрализм во всем и для всех, стала множественность идентичности, поддерживаемая разнообразием тенденций, направлений, стилей в различных сферах жизнедеятельности [1]. Поэтому танец как путь к индивидуальности представляет собой не только практический, но и теоретический интерес [2]. Исходя из этого, цель статьи – раскрыть сущностные аспекты танца как формы постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире.

Постижение бытия осуществляется в разных формах, от которых зависит способ раскрытия объекта и его понимания, полнота информации о нем и ее устойчивость в социальном воспроизводстве. Данная зависимость позволяет разграничивать устойчивые (мифология, религия, философия, наука) и неустойчивые (повседневные знания) формы постижения бытия. В качестве признака их разграничения может выступать, например, наличие «постижения-системы» [1, с. 74]. Подобный признак позволяет отличить научные формы постижения бытия от ненаучных форм. Научные формы – это рефлексивные схемы. Результатом их применения являются репрезентации наличного бытия, или объективные знания о нем. Ненаучные формы связаны с воображением, или имажинативными формами [2]. Например, миф представляет собой ненаучную совокупность взглядов на окружающий мир, которую «человек вырабатывает по законам красоты и целостного мировосприятия» [3, с. 183]. Для того чтобы раскрыть танец как форму постижения бытия необходимо прояснение трех его сущностных аспектов, которые связаны с нахождением человека в реальности, с его когнитивными возможностями и коммуникативными компетенциями. Вне

этих аспектов танец теряет онтологический или гносеологический контекст, необходимый для его аналитики.

Согласно первому аспекту, танец как форма постижения бытия определяется нахождением человека в следующих реальностях. Эмпирическая реальность представляет собой естественно-природную и предметно-вещную среду, в которой человек живет и с которой взаимодействует. Ведущим способом понимания мира выступает парадигматический, включающий методы логического анализа, которые организуют аналитическое «прочтение» действительности. Социально-культурная реальность – это результат объективации содержания индивидуального и коллективного сознания и деятельности. Она создается посредством описания этого содержания. Экзистенциальная реальность не объективируется, ибо не имеет явных референтов в предметном мире. Она существует посредством опыта, переживания и, собственно, постижения. В этом аспекте соотношение бытия и танца позволяет раскрыть природу спонтанности и творчества [4, с. 141].

Согласно второму аспекту, танец как форма постижения бытия привязан, прежде всего, к воображению [2]. Оно составляет когнитивный ресурс созидательной силы визуализации, используя которые разум может создавать новый желаемый мир. Однако способность к воображению может быть использована по-разному. Возможны визуализации различных сценариев, направленных на продуцирование созидательных идей и достижение творческих целей. Но возможны также и те сценарии, которые направлены на создание ярких и живых образов того, чего человек больше всего опасается, ограничивающих, таким образом, его саморазвитие. Эффективность воображения и конструктивность его алгоритмов зависят от доступности эмпирической реальности, от способов организации культуры, от экзистенциального опыта.

Идея первичности телесной организации культуры нашла отражение в теме «жизнь тела», разрабатываемой в разных направлениях посредством метафор: *тело-порог*, *тело-машина*, *тело-симптом*, *идеальное тело*, *гламурное тело*, *экстремальное тело*. В частности, первая метафора обозначает порог как границу восприятия мира [5]. Метафоры *машина* и *симптом* выражают, соответственно, стратегии формирования нового человека и коллективизма, и кризисные явления, порождаемые турбулентными условиями. В соответствии с терминологией М. Хоркхаймера и Т. Адорно, человеческие тела стали «вещью», «сырьем для прогресса» [6], и, как следствие, подверглись идеализации.

Движенческий алгоритм стал рассматриваться в качестве основания для сознания и мышления вследствие своей главной идеи – принципа видения. Такой подход стал воплощением витального начала как дополнения к разуму. Сознание, по выражению М. Мерло-Понти, стало «телесным», мышление – «органическим». Причиной подобного становления стал тот факт, что их ресурсы проистекают из ориентирования тела в пространстве, осуществляемого благодаря принципу видения, которым, собственно, и является движение [7, с. 111]. В. П. Зинченко в своей аргументации подчеркнул: «Живое движение, находя смысл, осмысливает, и осмысливает как окружение тела, так и его само» [8, с. 35].

Согласно третьему аспекту, танец как форма постижения бытия обусловлен коммуникацией. Значит, его можно рассматривать как форму общения, которая имеет место во всех трех указанных типах реальности. Это подтверждается тем, что танец является, во-первых, деятельностью и взаимодействием, во-вторых, представлениями о реальности, или его когнитивными картами, в-третьих, переживанием мира, отражением определенного опыта, проектированием человеком самого себя. Как следствие коммуникативной природы, танец способен в современных плюралистических нестабильных условиях решать проблемы социализации на уровне общения, в частности, психотерапевтические, связанные с необходимостью преодоления фобий посредством вербальных или невербальных действий. Танец как невербальный способ имеет преимущества перед словесным общением. Следствием духовного истощения постмодернистского общества стал дисбаланс «физического и духовного», который заставляет человека «сознательно вступать в игру без слов», участвовать «в некой театрализации». При этом «танец принимает форму реакции», поэтому «с его помощью можно сопротивляться неживому виртуальному общению», «спасти от пустых слов и эмоциональных внутренних конфликтов» [9, с. 242].

Разграничение трех аспектов танца как формы постижения бытия, является условным. Аргументация каждого из них подразумевает наличие пересекающихся доводов. Остановимся на отдельных доводах, которые в равной мере могут быть применены к выделенным аспектам, но, безусловно, будут иметь неодинаковую аргументирующую силу по отношению к ним. Телесность и разум человека в постмодернистском турбулентном мире стали слишком зависимыми от слов, потеряв свою гибкость, приспособляемость. Если вербальная коммуникация стремится к номинациям, то невербальная в форме танца позволяет сохранить скрытые

связи, составляющие сущность бытия в экзистенциальном смысле. В условиях, при которых «современный мир привычно оперирует информацией и цифрами, устойчивыми рациональными понятиями», оказалась исчерпанной «практика формальных суждений и формализованных представлений о мире, утвердившаяся с эпохи Просвещения». Поэтому необходимо обновленное и осознанное прочтение танца [3, с. 179] – как образно-пластического выражения вербальных смыслов языка, как особой пространственно-временной формы невербальной коммуникации, которая «выступает зримым явлением мысли, проявлением глубинных слоев человеческого сознания» [3, с. 183].

Танец, несмотря на свою невербальную природу, является и языком, и текстом, что подчеркивает его семиотическую сущность [10]. Она выявляется на уровне знаков-изображений, знаков-признаков (симптомов, индексов, индексаторов) и знаков-символов. «Слово танца, язык танца никогда не повторяет, не дублирует устную речь, а разговаривает при помощи своей образно-коммуникативной динамической структуры». Поэтому символический язык танца «всегда несет в себе огромное внутреннее смысловое, философское и культурное содержание» [3, с. 185].

Танец является формой взаимодействия с окружающей действительностью, значит, связан с каналами поступления информации о мире. Их эпистемологию составляют кинестетические (кинетика, или движение, и кинестезия, или движение, связанное с ощущениями), визуальные и аудиальные ресурсы. Индивид, у которого доминирует кинестетический канал, – человек действия, так как его главным инструментом восприятия выступает тело, а способом существования – движение. И.А. Герасимова объединила кинетику и кинестезию в качестве основания для особого типа мышления, базирующегося на движении, но которое проявляет себя «в актах познания, общения, созидания, обучения и трансформации» [11, с. 145]. Такой подход является целостным, ибо тело стало рассматриваться как «универсальная стабилизирующая структура единого опыта людей», как «становление и развитие человека в целом» [12] и что демонстрирует танец, объединяющий кинестетический компонент и семиотический процесс символизации [13, с. 406].

Таким образом, сущностные аспекты танца как формы постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире обусловлены нахождением человека в реальности, его когнитивными возможностями и коммуникативными компетенциями. Первый аспект подразумевает разграничение эмпирической, социально-культурной и экзистенциальной

реальности танца. Второй аспект связан с воображением и конструированием телесности, восходящим к движеническому алгоритму и движению как принципу видимости и визуальности. Третий аспект – с невербальным способом общения, с преодолением иррациональных аспектов вербальной коммуникации. Дальнейшее прояснение лежит в плоскости соотношения разума и тела, семиотики танца и его сенсорных особенностей в условиях постмодернистского турбулентного мира.

Список литературы

1. Хмелевская, С.А. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры / С.А. Хмелевская, Н.И. Яблокова // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2013. – № 2. – С. 74–78.
2. Хмелевская, С.А. Логика имажинативных форм постижения бытия // Социально-политические науки / С.А. Хмелевская. – 2018. – № 2. – С. 278–280.
3. Тарасова, О.И. О художественном мировоззрении и мифологемах танца / О.И. Тарасова // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой – 2020. – № 6 (71). – С. 178–187.
4. Миловац, Ж.В. Природа спонтанности: бытие и танец / Ж.В. Миловац // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – № 4(44). – С. 141–153.
5. Подорога, В.А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию / В.А. Подорога. – Москва: Ad Marginem, 1995. – 340 с.
6. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – СПб.: Медиум, 1997. – 312 с.
7. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – М: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.
8. Зинченко, В.П. Тело как слово, образ и действие / В.П. Зинченко // Человек. – 2010. – № 2. – С. 34–37.
9. Джиоти, К.Н. Танец как метод общения / К.Н. Джиоти // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – Вып. 3 (222). – С. 239–243.
10. Крысанков, Т.Г. К проблемным вопросам философии танца: семиотический и онтологический аспекты танцевальных движений / Т.Г. Крысанков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – Вып. 4. – С. 604–612.
11. Герасимова, И.А. Философское понимание танца / И.А. Герасимова // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 50–63.
12. Никитин, В. Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд / В. Никитин. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.

13. Айламазьян, А.М. Танец и личность / А.М. Айламазьян // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15. – № 1, ч. 2. – С. 406–426.